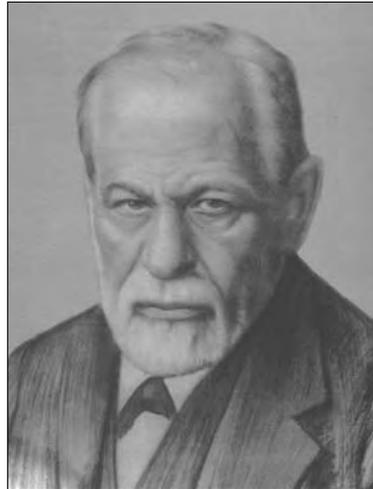

История одного портрета

Проницательный и пристальный взгляд из-под опущенных тяжелых век... Взгляд выразительный и глубокий, таящий в себе некое знание, лежащее на грани непознаваемого. Взгляд человека, осмелившегося вторгнуться в "тайное тайн" человеческого сознания и бытия. Имя ученого и мудреца, отважившегося на это и ставшего родоначальником учения, именуемого психоанализом, — Зигмунд Фрейд. Это он смотрит на вас, читатель, с внутренней стороны обложки журнала Украинской ассоциации психоанализа ("Психоаналіз", № 1, январь 2003 г., Киев) в качестве визитной карточки журнала.

Этот портрет принадлежал моему отцу доктору Якову Моисеевичу Когану и был подарен ему неким художником, имени которого я не знаю. Мне лишь известно, что портрет, мастерски сделанный углем, художник писал не с натуры, а с фотографии Фрейда, помещенной в одной из его книг, хранившихся в библиотеке отца.

Фотография эта была совершенна и по своей выразительности, и по техническому исполнению. Работая над портретом, художник значительно увеличил его относительно размеров фотографии и сумел создать при этом безупречную копию, сохранив фотографическую точность и выразительность оригинала. В портрете воспроизведено то, что особенно поражало в фотографии: прямой твердый взгляд Фрейда, — что называется "глаза в глаза", — и удивительная его способность "не отпускать" взгляд смотрящего, куда бы последний ни перемещался.

Завороженная этим феноменом, я становилась в отдаленном углу просторного отцовского кабинета, в котором высоко над письменным столом, почти под самым потолком, висел портрет, и робея, упиралась своим детским взглядом в завораживающе прямой взгляд Фрейда. Не отводя взгляда, я медленно двигалась вдоль противоположной стены кабинета, а глаза с портрета неотступно следили за мной. Со страхом и трепетом я меняла

направление движения, но везде за мной неотвратно следовали эти глаза, вызывая жутковатое ощущение некой мистической одушевленности портрета.

Я не помню, когда портрет появился в нашем доме, но осознанно вспоминаю его висящим на своем месте лишь в первые послевоенные годы. Не знаю и того, как уцелел портрет в годы оккупации Одессы.

Общеизвестно, что с 30-х годов в Советском Союзе психоанализ фактически был запрещен не только как научный и психотерапевтический метод, но и как важный метод исследования и анализа общественных явлений. Идеологическая удавка все туже затягивалась на шее не только самого учения, но и угрожала благополучию тех, кто, как и мой отец, разделял и развивал научные взгляды Фрейда.

В какой-то момент отец осознал, что хранить у себя дома портрет столь одиозной личности небезопасно и что это чревато самыми серьезными последствиями. Оправленный в красивую резную раму цвета слоновой кости, портрет был не только лицом (в прямом и переносном смысле) отцовского кабинета, но и его украшением. Реалии времени требовали если не уничтожить, то уж, во всяком случае, надежно скрыть портрет от посторонних глаз. И тут отца осенила идея: не снимая и не вынимая портрета из рамы, под тем же стеклом закрыть его сверху другим портретом. Только чей лик скроет Фрейда от посторонних глаз до наступления часа его реабилитации, — этого тогда отец еще не решил.

В то время в психбольнице на лечении находился художник, некий Николай Оже, имевший в своей родословной какие-то французские корни. Это был высокий мужчина лет пятидесяти с благородной внешностью, спокойным продолговатым лицом и большими красивыми руками. Он был одинок, его никто не посещал. Я не знаю, с каким диагнозом он находился в больнице, но был он тих и кроток. Однажды он обратился к отцу с просьбой дать ему возможность заняться рисованием. Отец купил краски, кисти, бумагу, холст и прочую полагающуюся утварь и привел его к нам домой (мы тогда жили в админкорпусе больницы).

С тех пор Николай Оже часто приходил к нам и подолгу занимался рисованием. Я не составила себе представления о масштабах его дарования, так как не очень в этом компетентна, да и делал он только репродукции с картин известных художников, помещаемых на цветных глянцевых вкладках в журнале "Огонек".

Там-то и увидел отец репродукцию портрета академика И.П. Павлова работы художника М.В. Нестерова, (за который, кстати, художник полу-

чил Сталинскую премию в 1941 году). Вероятно, эта картина, оказавшаяся в нужный момент в нужном месте, мгновенно родила в сознании отца шальной замысел использовать ее для задуманной цели.

Для посвященных в историю несовпадения и даже противостояния научных концепций Павлова и Фрейда идея использовать лик Павлова для спасения портрета Фрейда таила в себе вполне явный гротесковый смысл, точно вписывающийся в широко известное — "история повторяется дважды: один раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса".

Николай Оже, воодушевленный конкретностью поставленной цели, воспроизвел на холсте масляными красками цветной портрет Павлова, увеличив его до размеров портрета Фрейда. Так строгий черно-белый Зигмунд Фрейд был надежно защищен лубочно красочным бело-розово-голубым И.П. Павловым.

Точной даты этой акции я не помню. Вероятно, это было в начале 50-х годов. Павлов служил укрытием Фрейду до 70-х годов, когда мы покинули нашу квартиру в психбольнице. К тому времени прошло уже более 10 лет со дня смерти моего отца. Рама с портретом была снята со стены, и ученые, рукотворные воплощения которых провели в "тесном контакте" много лет, наконец, расстались. Портрет Фрейда мы без раздумий подарили доктору Б.Г. Херсонскому, а портрет Павлова в числе других картин — репродукций, выполненных Николаем Оже, — остался в качестве экспоната, иллюстрирующего творчество душевнобольных, в музее больницы, который впоследствии разместился в комнатах нашей бывшей квартиры.

Значительно позднее в некоторых публикациях мне неожиданно встретилась несколько иная версия истории "выживания" портрета Фрейда. По этой версии, портрет имел якобы две стороны: "фрейдовскую" и "павловскую". Для официальных посетителей отца предназначался портрет Павлова, закрепленный в раме сзади, с оборотной стороны портрета Фрейда. А вечерами, когда у нас дома собирались психоаналитики, коллеги отца, раму с портретами якобы поворачивали к собравшимся обратной, "фрейдовской", стороной. Этот вымысел мне представился достаточно безобидным, и я не придавала ему особого значения. Но горячие головы молодых одесских, психоаналитиков, узнававшие от меня об этом, настояли на обнародовании правды о "бесповоротной" надежности укрытия портрета Фрейда.

Без сложностей выяснился источник дезинформации: версия принадлежала одному из коллег отца. Для меня это было тем более удивительно, что этот человек бывал у нас дома, принимал участие в доверительных

"фрейдовских" беседах и был в добрых отношениях с отцом. Вероятно, поэтому вымышленная им версия всем казалась достоверной. Очевидно, в простой погоне за остротой интриги этот человек взял на свою душу безобидный грех вполне правдоподобного вымысла.

Вот и вся история того, как сохранился этот замечательный портрет, с которого умным и пронизательным взглядом Зигмунд Фрейд смотрит на творческие поиски продолжателей теории и практики своих великих прозрений.

